

С. Н. Иконникова, И. В. Леонов

Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности

В контексте анализа проблемы культурной идентичности обозначается феномен сопричастности и самоотождествлений человека с различными гранями культуры. Речь идет о возникновении чувства тождественности с чем-либо еще, например, с природой, историческими событиями, памятниками, достижениями в различных областях культуры, т. е. об обозначении специфических зон диффузии «Я и не-Я». Отмеченный вопрос анализируется в контексте проблемы воображаемого на уровне «расширений» идентичности человека с включением в ее пространство каких-либо элементов культуры. Уделяется внимание природе данного явления на уровне проявления различных архетипов, устойчивых идей и верований, уходящих корнями глубоко в прошлое, однако управляющих воображением современного человека. Делается обзор основных векторов возникновения подобного рода сопричастности. Отдельное внимание уделяется возникновению тождества человека с тривиальными и «непарадными» гранями культуры. Затрагивается специфическая форма идентичности, основанная на отрицании и неприятии определенной культуры либо ее элементов, выраженная в том, что идентичность человека попадает в зависимость от отрицаемой культурной реальности и не может без нее состояться. Обозначается проблема «гуманитарных технологий», используемых в сфере формирования чувства сопричастности и тождественности определенной историко-культурной реальности, включая их примеры в современной истории России.

Ключевые слова: культурная идентичность, культурная сопричастность, самоотождествление, воображаемое, гуманитарные технологии

Svetlana N. Ikonnikova, Ivan V. Leonov

Main vectors of self-identification in formation of cultural identity

In the context of the analysis of the problem of cultural identity, the phenomenon of human complicity and self-identification with different facets of culture is indicated. It's about the occurrence of a sense of sameness with something else, for example, with nature, historical events, monuments, achievements in various fields of culture, i. e. the designation of specific zones of diffusion «Me and not-Me». The noted question is analyzed in the context of the problem of the imaginary at the level of «extensions» of human identity with the inclusion in its space of any elements of culture. Attention is paid to the nature of this phenomenon at the level of manifestation of various archetypes, stable ideas and beliefs, rooted deep in the past, but still driving the imagination of modern man. A review of the main vectors of this kind of complicity is made. Special attention is paid to the emergence of human sameness with trivial and «undress» facets of culture. The author touches upon a specific form of identity based on the denial and rejection of a certain culture or its elements, expressed in the fact that the identity of a person depends on the denied cultural reality and can not take place without it. The problem of «humanitarian technologies» used in the formation of a sense of complicity and sameness with a certain historical and cultural reality, including their examples in the modern history of Russia, is highlighted.

Keywords: cultural identity, cultural complicity, self-identification, imaginary, humanitarian technologies

DOI 10.30725/2619-0303-2019-2-6-10

В рассмотрении различных аспектов проблемы культурной идентичности особый интерес вызывает явление самоотождествлений человека с различными гранями историко-культурной реальности. Отвечая на вопрос «кто я есть?», человек нередко выходит за свои собственные пределы, обозначая свою сопричастность к чему-либо. В данном случае наблюдается либо феномен «расширения» и распространения самости человека на что-то еще, либо нечто внешнее может «проникнуть» в человека и «слиться» с его идентичностью.

По сути, в формировании культурной идентичности избежать нарушения границ между самим собой и окружающей реальностью – маловероятно.

Конечно, можно осознавать границы самоотождественности своего тела и сознания и на этом уровне идентифицировать себя, противопоставляя внешнему миру. Однако включение человека в культуру предполагает с его стороны решение вопроса содержания и пределов собственной идентичности в рамках соотношения себя со сложным комплексом проявлений данной сферы. В результате одни грани культуры могут позиционироваться человеком как чуждые или «иные», а другие восприниматься как близкие, сопричастные и в итоге тождественные его идентичности.

В последнем случае, воспринимая или формируя определенную культурную идентичность, ее носитель исходит как минимум из чувства со-

причастности соответствующей культуре. Но что в отмеченном случае значит «сопричастность»? Какова тут граница между собственным тождеством и окружающей историко- и социокультурной реальностью?

Показательно в данном случае обратиться к примеру с москвичами, петербуржцами, представителями других городов и субъектов России, идентичность которых сопричастна региональной культуре. Так, размышляя о своей культурной идентичности и оказавшись в ситуации обозначения границ между самим собой и соответствующей культурой, многие не желают проводить такую демаркационную линию. Носители культуры в определенной мере «сливаются» с ней, либо «расширяясь» до ее пределов, либо оказываясь ею «пропитанными». Культурная идентичность человека в такой ситуации утрачивает четкие контуры. Петербуржец не захочет считать себя чем-то отдельным от культуры Петербурга, он не просто ее носитель как чего-то внешнего, он часть Петербурга, и в то же время Город часть его.

Разумеется, данные тождества и «расширения» носят не буквальный характер и разворачиваются в сфере воображения – ментальной конструкции, как имеющей, так и не имеющей отношение к объективному миру вещей [1, с. 73]. Природа рассматриваемого явления основана на том, что в диспозиции «собственного Я» по отношению к окружающему миру возникает особая зона «диффузии», выраженная в воображаемом взаимопроникновении идентичности человека и культуры, с которой он себя соотносит. Роль воображения в данном случае носит ключевой характер, поскольку то, что способно создавать и репродуцировать воображение, для человека так же реально и значимо, нежели реальность сама по себе, вне человека [2, с. 43–44]. Находясь во власти своего воображения и до определенных пределов управляя им, человек строит целые миры, располагая там себя в соответствующих масштабах, проекциях и воплощениях. В данном случае, пользуясь терминологией В. Беньямина, можно вести речь о воображаемой «ауре» человека, возникающей в его сознании и способной распространяться на предметы и явления окружающей и вымышленной реальности, соединяться с ними либо вмещать их в себя. Сопоставление культурной идентичности с «аурой», выходящей за пределы человеческого тела на уровне воображения, распространяемой на что-то еще и порой сопрягаемой с ним, позволяет дать объяснение рассматриваемому феномену самоотождествлений человека и культуры.

Природа реализации таких «расширений» идентичности уходит своими корнями глубоко

в историю, закрепляясь на уровне многих архетипов, устойчивых идей, тематических структур и верований. К ним можно отнести многочисленные вариации фетишизма, включая соединения с предметами; тотемистические представления о связи с животными-первопредками; анимистические верования о наличии духовных субстанций в окружающем мире, включая представления о связи с умершими предками; вера в способность людей превращаться и перевоплощаться во что-то еще, в возможность их соединения с различными элементами окружающей реальности и т. д. Отдельно необходимо указать на обряды приобщения и единения через еду, включая семейные, родовые и коллективные трапезы. Наиболее показательным в данном случае выступает пример с напитком в «круговой» чаше, который, реализуя архетип «Тайной вечери», становится фактором единения друг с другом [3, с. 62]. Кроме того, единение происходит и с местом происхождения еды. Здесь же стоит упомянуть обряды братания через кровь и обмен вещами, а также стремление людей синхронизировать свои действия через танец, пение, марши и т. п. во время ритуалов, обрядов и праздников.

Реализуя данные архетипы, современный человек может ментально «срастаться» с предметом своего почитания, обожания или привязанности. Например, с коллекцией антиквариата, при утрате которой «умирает» и часть самого коллекционера. То же самое может касаться сакральных мест, связь с которыми способна достигать предельного уровня самоотождествления. Сопричастность может возникнуть в отношении определенного исторического события и т. д. Даже особый класс вещей, которые призваны демонстрировать идентичность и носят подчиненный для данной цели характер [4, с. 347–349], могут стать объектом, без которого человек перестает быть собой.

В отмеченном ракурсе примечательны слова песни Я. Хелемского на музыку Ю. Чичкова: «Из чего же, из чего же, из чего же / Сделаны наши мальчишки? / Из веснушек и хлопушек, / Из линеек и батареек <...> Из пружинок и картинок, / Из стекляшек и промокашек / Сделаны наши мальчишки!». В переносе логики данного ряда на культурную идентичность напрашивается вопрос: Из чего же в культурном плане сделаны русские? Англичане? Французы? Москвичи? Петербуржцы? Калининградцы? и т. д. С какими аспектами соответствующих культур их носители наиболее часто испытывают чувство сопричастности, слитности и самотождественности?

Как правило, сопричастность человека к той или иной культуре выражена в особых акцентах на ее различные грани. В первую очередь речь идет о тех гранях, в которых наиболее вы-

ражены духовные аспекты, воображаемое слияние с которыми носит наиболее доступный и убедительный характер. Примерами в данном случае является возникновение самотожественности человека с языком культуры, ее акцио- и смысловой, ментальным пространством и чертами национального характера.

Тем не менее различные аспекты культуры, в которых преобладает материализованная составляющая, представляют собой не менее притягательные области. Особым вектором в рассматриваемом вопросе является чувство укорененности и слитности человека с территорией, природно-географическим ландшафтом, «местом развития» или «историко-культурной зоной». Данный вектор является одним из наиболее выраженных в тех культурах, где основанная на традиционных видах деятельности связь с природой носит ярко выраженный жизнеобеспечивающий характер.

В тесной связи с указанным находится вектор сопричастности к культуре, обозначаемый как этнотрадиционный. В его реализации предпочтение отдается сопричастности к традиционным аспектам культуры с акцентом на ее старину и этнические основания.

Кроме того, целый спектр векторов сопричастности может базироваться на достижениях и формах культуры, вышедшей за рамки этнотрадиционного типа. В таком случае почву для формирования чувства тождественности могут создавать научно-технические и промышленные достижения, великие стройки, спортивные победы и т. д. Отдельно следует отметить сферу искусства и значимых артефактов культуры – меморий, редкостей и других ценностей. В этом же ряду необходимо указать вектор сопричастности к тем или иным историческим событиям и свершениям, а также вектор сопричастности к социуму как создателю и носителю культуры.

Сколько бы в данном случае ни было векторов сопричастности, направленных на те стороны культуры, в которых преобладает материальный компонент, механизм их реализации носит общий характер. Различные грани культурной реальности, с которой взаимодействует человек, в зависимости от частоты и характера контактов с ней получают отражение в его сознании на уровне соответствующих образов. Данные образы, закрепившись в сознании человека, обретая соответствующую ценностно-смысловую значимость и эмоционально «окрасившись», вступают во взаимодействие с границами его идентичности. Будучи «носителем» этих образов, человек начинает позиционировать свое «Я» с учетом разных степеней близости с ними. Данный процесс сопровождается возникнове-

нием специфического чувства сопричастности или тождественности с выделяемыми гранями культуры, на воображаемом уровне.

Важно указать, что перевод отмеченного чувства в сферу сугубо рационального объяснения, с одной стороны, таит в себе ловушку, которая обусловлена трудностями, возникающими при попытках исключительно позитивистскими средствами раскрыть природу чувства прекрасного, любви, ненависти, стыда и т. п. С другой стороны, игнорирование попыток рационального объяснения природы данного чувства может привести к его излишней «гуманитаризации», а также к уходу в сферу псевдонауки. Тем не менее контакт человека с определенными сторонами культуры, сопровождаемый проникновением и закреплением ее образов в сознании, с последующими «расширениями» идентичности человека, не может быть полностью описан без того, что относится к сфере психоэмоциональных процессов и переживаний, т. е. без учета переживания чувства сопричастности или тождественности.

Достаточно сложный вектор получает выражение в сопричастности к непопулярным и «непарадным» сторонам культуры, являя собой наиболее глубокий уровень ее целостного принятия. В этом плане показательно стихотворение Анны Ахматовой «Родная земля» (1961), содержащее следующие строки: «Да, для нас это грязь на калошах, / Да, для нас это хруст на зубах. / И мы мелем, и месим, и крошим / Тот ни в чем не замешанный прах. / Но ложимся в нее и становимся ею, / Оттого и зовем так свободно – своею». Образ родной земли, создаваемый Ахматовой в этих строках, предельно суров, непригляден, чужд всякой сентиментальности и ностальгической мечтательности. Однако все существование человека оказывается неразрывно связано с попираемой, эксплуатируемой и при этом как бы никем не замечаемой землей. Земля, которую «мелят», «месят», «крошат», по сути, отождествляется с самим человеком, которого испытывает жизнь: он «бедствует», «хворает», сон его горек [5, с. 106]. Он «впитал» эту землю, он – часть ее и станет ею. Принятие не только «витринных», «парадных» или «брендовых» аспектов культуры, но и ее обыденных и даже неприглядных сторон, с чувством укорененности в сложную и противоречивую культурную реальность дано далеко не каждому – «Шум и гам в этом логове жутком, / Но всю ночь напролет, до зари, / Я читаю стихи проституткам / И с бандитами жарю спирт. / Сердце бьется все чаще и чаще, / И уж я говорю невпопад: / „Я такой же, как вы, пропащий, / Мне теперь не уйти назад.“ / Низкий дом без меня ссутулится, / Старый пес мой давно издох. / На московских изогнутых улицах / Умереть, знать, судил

мне бог» (С. А. Есенин. «Да! Теперь решено! Без возврата...». 1922).

Наконец, особый интерес представляет феномен неприятия определенных граней культуры, включая обозначение четких демаркационных линий между ними и идентичностью человека. Но в данном случае может возникнуть своеобразный парадокс, когда позиционирование себя через отрицание культуры или какой-нибудь ее грани ведет к «прирастанию» человека к отрицаемому феномену. Иными словами идентичность, основанная на отрицании чего-либо, без объекта своего отрицания может не состояться. Такое явление, будучи сродни «хельсинскому синдрому», закрепляет диспозицию идентичности, основанную на явном неприятии и антагонизмах с чем-либо. Как следствие, внутри определенной культуры может оформиться устойчивая форма идентичности, не принимающая ее в целом (либо на уровне некоторых аспектов) и в то же время не способная без нее существовать. Кроме того, история знает немало примеров, когда «революционер», переживший свою «революцию», остается не у дел и начинает искать ее продолжения внутри определенной культуры или во вне ее, ибо природа его идентичности основана исключительно на противостоянии с неким порядком.

Векторы формирования сопричастности человека к внешнему миру, перечисленные далеко не все, могут предпочитаться и варьироваться в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств и «вкусовых пристрастий» человека. В данном случае можно провести параллели с концептом архитектоники культуры и культурного наследия, предложенным И. В. Кондаковым. Так, российский ученый фиксирует в сфере наследственного материала культуры изменчивые соотношения трех компонентов – актуального, потенциального и снятого наследия [6, с. 535]. «Архитектонические сдвиги», меняющие соотношение указанных компонентов, в первую очередь на уровне смены смысловых акцентов, обеспечивают подвижность казало бы неизменной сферы наследия. Соответствующим образом можно представить структуру и подвижность основных векторов возникновения сопричастности к культуре, многие из которых актуальны и востребованы, другие, потеряв популярность, ушли на второй план, третьи ожидают своего часа на потенциальном уровне. Изменяемая комбинаторика указанных сочетаний, при наличии вариативных и инвариантных аспектов, обеспечивает историогенез сферы сопричастности к культуре.

Анализ рассматриваемой проблематики позволяет говорить, что избирательность человека по отношению к тем или иным сторонам культуры, с которой он себя идентифицирует, поддается

высокой степени воздействия извне. Конструируя себя в плане причастности к определенной культуре, человек подвержен веяниям моды, массовых вкусов, стереотипов и т. д. Отмеченный процесс нередко носит спонтанный характер, но также может корректироваться множеством заинтересованных сил. Иными словами на данный процесс можно активно влиять, формируя соответствующие «гуманитарные технологии», суть которых сводится к целенаправленному воздействию на сознание некоего человека, чтобы сориентировать его сознание определенным, заранее спланированным образом. Данные технологии принципиально ориентированы на создание и раскрытие новых субъектно-объектных и субъектно-субъектных связей/отношений, на придание существующим отношениям новых интенций, новых смыслов и новой динамики [7, с. 26–27].

Один из технологических векторов привития чувства сопричастности и тождественности к определенной культуре представляют установки прямого сопоставления и отождествления, ориентированные на широкие массы, – «Мы – есть часть...», «Мы – едины с...», «У нас общие корни...», «Мы сделаны из...» и др. Примерами в данном случае является: проект «Я Россия» («Россия»), запущенный телеканалом «Россия»: акция «Я – часть своей страны», инициированная проектом «#Жить» и порталом «Лайф» в честь Дня России (2017); цикл фильмов «Мы – часть твоя, Великая Россия», создаваемый в Республике Бурятия; сетевой портал о дружбе народов «Все мы – Россия!» (Дом дружбы народов Самарской области); многочисленные группы в социальных сетях с названиями в традиции указанных выше сопоставлений (например, «Я – Алтай») и т. д. Сферы воплощения данных установок очень разные, они находят свое проявление в названиях произведений литературы и искусства, а также в продукции, создаваемой в сфере современных культурных индустрий, – моды, рекламы и т. д. Одним из последних «кино-текстов» с таким названием является документальный фильм «То, что во мне», о путешествии по Чуйскому тракту рок-музыканта и режиссера названного фильма И. И. Сукачева (2017). Иллюстрацией обозначенных отождествлений в рекламе выступает реклама пива «Сибирская корона» с Дэвидом Духовны – речь о ролике «Родина» (2014) – построенная на факторе российских корней актера. Показательно, что в данной рекламе эффект отражения наиболее ярких маркеров культурной идентичности и чувства сопричастности к ним, по сути, затмевает собой рекламируемый товар.

Другой вектор выражен в тиражировании и закреплении на уровне сознания позитивных, ценностно- и эмоционально-окрашенных образов различных аспектов культуры, на количество

и качество которых можно влиять напрямую. Такие образы прочно закрепляются и бытуют в сознании, продолжая взаимодействовать с человеком на уровне воображения, укрепляя тем самым его связь с теми или иными аспектами реальности. Укорененность таких образов в сознании человека дает плодородную почву для «расширения» его культурной идентичности. Например, чувство сопричастности и тождественности с «экологической нишей» культуры во многом зависит от того, что и как демонстрируется на эту тему в медиасфере. Так, в последние годы на отечественном телевидении резко вырос процент передач о географии России, а также о ее флоре и фауне, потеснив аналогичную продукцию, направленную на отражение природы, животного и растительного мира государств экваториального пояса. Как следствие, представления о собственном «месте развития» у россиян обогатились соответствующими образами, во многом формирующими и дополняющими общие представления о данном аспекте реальности. В результате степень притягательности указанной сферы как почвы для самоотождествлений стала возрастать. Причем отмеченный процесс для потребителя такой продукции в большинстве случаев носит достаточно пассивный характер. Кроме того, существуют и иные векторы воздействия на развитие чувства культурной сопричастности и тождественности, нередко основанные на пробуждении указанных выше архетипов и устойчивых идей. Данные векторы находят яркое проявление в медиасфере, в области образования, в социокультурной деятельности, в частности организации и проведении массовых мероприятий, и других областях культуры.

Необходимо указать, что доля государственного участия в рассматриваемой сфере, в силу ее идейно-патриотического потенциала, постепенно растет, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. После постсоветского периода, когда «гуманитарные технологии» привития чувства сопричастности к российской культуре применялись достаточно слабо, уступив место преимущественно центробежным и региональным тенденциям, в начале XXI в. в данной области наметился явный перелом. Одна из ведущих ролей в отмеченном процессе отводится образовательным учреждениям в сфере культуры, в том числе вузам, особое направление деятельности которых выражено в сохранении, трансляции и обновлении стержневых аспектов культурной идентичности, как на общероссийском уровне, так и на уровне регионов.

Список литературы

1. Суворов Н. Н. Наступление воображаемого: вообразаемое как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 73–81.
2. Суворов Н. Н. Вообразаемое как феномен культуры / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ин-т культуры, 2018. 300 с.
3. Беллон М. А. Культура питания: особенности ценностных смыслов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 2 (35). С. 59–64.
4. Иконникова Н. К. Человек в мире вещей: проблема присвоения вещной среды // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 344–354.
5. Леонов И. В., Харитоновна М. А. Культурное пространство и основные пути его моделирования // Человек. Культура. Образование. 2018. № 3 (29). С. 100–115.
6. Кондаков И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред., сост. А. В. Бондарев. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2014. С. 533–544.
7. Тхагапсоев Х. Г., Мосолова Л. М., Леонов И. В., Соловьева В. Л. Идентичность как навигатор сознания: монография / Х. Г. Тхагапсоев, Л. М. Мосолова, И. В. Леонов, В. Л. Соловьева. Санкт-Петербург: Астерион, 2016. 170 с.

References

1. Suvorov N. N. Offensive imaginary: imaginary as cultural phenomenon. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture and Arts*. 2016. 2 (27), 73–81 (in Russ.).
2. Suvorov N. N. Imaginary as cultural phenomenon / Ministry of Culture of Russ. Federation, Saint Petersburg State Univ. of Culture. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ. of Culture, 2018. 300 (in Russ.).
3. Bellon M. A. Culture of food: features of valuable senses. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture and Arts*. 2018. 2 (35), 59–64 (in Russ.).
4. Ikonnikova N. K. Man in world of things: problem of appropriation of material environment. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2010. 4, 344–354 (in Russ.).
5. Leonov I. V., Kharitonova M. A. Cultural space and main ways of its modeling. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2018. 3 (29), 100–115 (in Russ.).
6. Kondakov I. V. Architectonics of cultural heritage. *Bondarev A. V. (ed., comp.) Culturegenesis and cultural heritage*. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2014. 533–544 (in Russ.).
7. Tkhangapsoev Kh. G., Mosolova L. M., Leonov I. V., Solov'eva V. L. Identity as a navigator of consciousness: monograph. Saint Petersburg: Asterion, 2016. 170 (in Russ.).